

УХОД Л. Н. ТОЛСТОГО

По дневниковым записям М. С. Сухотина 1910 г. и переписке
Т. Л. Сухотиной-Толстой с С. Л. Толстым 1930-х годов

Об уходе и смерти Л. Н. Толстого написано немало, но каждая новая деталь в освещении, казалось бы, известных фактов позволяет острее ощутить безысходность ситуации, сложившейся в яснополянском доме к осени 1910 г.: Безупречная репутация старших детей Толстого и М. С. Сухотина, человека европейски образованного и равно любимого как Л. Н. Толстым, так и Софьей Андреевной, не дает права усомниться в искренности их попыток разорвать кольцо, безжалостно сжимавшееся вокруг Толстого в его собственном доме. Новые документы подтверждают, что спасти Толстого было уже невозможно.

Although much has been written about L. N. Tolstoy's escape and death, every new piece of information on seemingly well-known facts gives us a better perception of hopeless situation which had arisen about the home in Yasnaya Polyana by the autumn of 1910. Impeccable reputation of the elder children of L. Tolstoy and M. Sukhotin, a man of European education and the one who was equally loved by both L. Tolstoy and Sofiya Andreyevna, does not allow us to question their sincerity in attempting to free Tolstoy off the ring which had mercilessly clenched around him in his own home. The new documents confirm that it was too late to save Tolstoy.

«Невыносимо тоскливо, и не глаза — сердце плачет. Какой конец! Как это многозначительно и глубоко вышло у него. Осиротела Русь. Эх, А [Александр] В [Алентиневич], прокляты мы, брат, каким-то злым проклятием», — так отозвался М. Горький на смерть Л. Н. Толстого 17 ноября 1910 г. в письме к А. В. Амфитеатрову¹.

Об уходе и смерти Толстого написано немало, но даже в лучшей работе Б. С. Мейлаха² не обошлось без «белых пятен» и умолчаний. Нам хотелось бы избежать крайностей, однозначных толкований, вроде бы неопровержимых обвинений, так как они касаются членов семьи Толстого и его ближайших друзей. Целесообразнее ввести новые документы, дополняющие картину последних месяцев жизни Толстого. Но сначала напомним, как все происходило.

Летом 1910 г. дом Толстых в Ясной Поляне дал глубокую трещину. Прозрачные стены³ перестали хранить тепло, а вокруг 80-летнего старца в последнем поединке столкнулись две партии, во главе которых оказались жена и ближайший сподвижник Толстого⁴. С. А. Толстую открыто поддержали сыновья Лев⁵ и Андрей⁶. На стороне В. Г. Черткова была младшая дочь Толстых Александра, А. Б. Гольденвейзер и многочисленное окружение. Время от времени примирить противников безуспешно пытались Т. Л. Сухотина-Толстая, М. С. Сухотин и С. Л. Толстой. Борьба шла не только за литературное наследие Л. Н. Толстого, но и за влияние на него⁷. События приобрели необратимый характер из-за усилившихся летом 1910 г. приступов истерии С. А. Толстой.

В такие моменты она едва ли отдавала отчет своим словам. Обвиняя мужа в особом пристрастии к Черткову, С. А. Толстая ссылаясь на дневниковую запись Толстого от 29 ноября 1851 г.: «Я никогда не был влюблен в женщин. (...) В мужчин я очень часто влюблялся... Я влюблялся в м[ужчин], прежде чем имел понятие о возможности *недрастии*; но и узнавши, никогда мысль о